

Ю Ю, держа в руках чашку с горячим чаем, приподняла полог и вошла внутрь.

Она стряхнула снег с плеч и проворчала:

— Даже не знаю, когда уже этот снегопад прекратится.

Янь Цзин подбросил угля в жаровню:

— Скоро, должно быть.

— Таблетки почти закончились, если снег не растает... — Ю Ю вздохнула. — Было бы здорово, если бы завтра всё уже растаяло.

— На сколько дней еще хватит? — спросил Янь Цзин.

— Едва ли на два дня.

Из-за того, что в его теле скопилось слишком много яда, а организм был не в силах вырабатывать достаточно питательных веществ, яд, лишенный подпитки, начал пожирать внутренние органы Янь Цзина. Его состояние ухудшалось с каждым днем, и лишь постоянный прием целебных пилюль помогал поддерживать жизнь.

Лекарство, которое он принимал, было изготовлено из редких ингредиентов и плохо хранилось. Каждый раз удавалось приготовить лишь небольшую порцию, да и со временем свойства пилюль заметно ослабевали.

Поэтому Цзоцзо каждые семь дней присылала Ю Ю свежую партию.

Но из-за многодневного снегопада дороги оказались заблокированы, горы закрыты, и запасы лекарства подошли к концу — фарфоровый пузырек был почти пуст.

Янь Цзин отряхнул руки от золы:

— Дорога найдется, когда подойдем к горе. Будем решать проблемы по мере их поступления.

— Кому суждено уйти — не удержишь, кому суждено остаться — тот не погибнет.

Без золотого венца, с волосами, собранными простой сандаловой заколкой, без роскошных шелков и драгоценных камней, в грубой домотканой одежде — сейчас Янь Цзин напоминал обычного юношу из простой семьи.

Беззаботного и легкого на сердце.

— Где Шангуань Тин?

В ответ на вопрос Шан Цянь отвел взгляд и заговорил уклончиво:

— У Его Высочества дела.

Янь Цзин нахмурился:

— Где он?

— Тут такое дело... на кухне приготовили несколько видов пирожных, каких в государстве Янь отродясь не видели. Не желает ли Наследный принц попробовать? Я схожу принесу. — Говоря это, Шан Цянь уже начал пятиться, собираясь улизнуть.

Янь Цзин прикрикнул:

— Стоять! Говори, куда подевался Шангуань Тин?

Янь Цзин обыскал весь лагерь, но Шангуань Тина нигде не было. Сейчас, когда горы замело снегом, куда он мог отправиться?

Поняв, что скрывать больше нет смысла, Шан Цянь тихо произнес:

— Его Высочество ушел. Сказал, что отправился за лекарством для Вас.

— За лекарством?

— Ю Ю сказала, что таблетки у Вас заканчиваются, и спросила, не может ли он помочь — доехать до города Наньцзян и забрать новую партию.

Янь Цзин усмехнулся:

— Позови Ю Ю.

Ю Ю, опустив голову, встала на колени перед Янь Цзином:

— Рабыня виновата, прошу Ваше Высочество наказать меня.

Янь Цзин рассмеялся:

— Никогда бы не подумал, что ты теперь можешь решать всё за меня.

— Снаружи в любую минуту может начаться буран, в горах нет дорог. Куда ты его отправила, что он там будет искать? И какой толк от того, что ты ему сказала? К тому же, это мое дело! Шангуань Тин мне ничем не обязан, почему ты втянула его в это? Если он погибнет, попытаюсь достать мне лекарство, что мне тогда делать!

— Что мне делать, отвечай, что мне делать!

— Обязан! Как это не обязан? — Ю Ю подняла голову и возразила. — Разве мало Вы сделали для него втайне? Одно за другим, одно за другим — Шангуань Тин уже давно не сможет расплатиться.

Янь Цзин взревел:

— Расплатится или нет, хочет он того или нет — это мое дело! Это было лишь мое желание, при чем тут он? Я никогда не надеялся, что он вернет долг, мне не нужно от него возврата!

— Но что я могла поделать? Не могла же я просто смотреть, как Вы умираете, и оставаться в стороне. Он сам решил поехать, никто его не заставлял. Если бы не хотел — не поехал бы. — Ю Ю смахнула слезы и прошептала: — Ваше Высочество, Вы изменились.

Янь Цзин закрыл глаза и глубоко вздохнул, пытаясь унять бурю в душе:

— В наши с ним дела никто не смеет вмешиваться.

— Ступай. Сегодня я не хочу тебя видеть.

Шангуань Тин вел лошадь под уздцы, неспешно шагая по снегу и оставляя за собой темный след в бескрайней пустоши.

Миновав равнину, он устремился к горам, что ждали его впереди.

Пронизывающий холод не оцепенел его, напротив, сделал мысли еще яснее.

Шан Цянь спрашивал его, зачем он едет.

Ответ Шангуань Тина был таков: Я не могу позволить ему умереть здесь, он мне нужен.

На самом деле, Шангуань Тин и сам не понимал, почему решил рискнуть жизнью ради Янь Цзина.

Но он точно знал: он хочет ехать. Он не желает видеть, как Янь Цзин умирает.

— Шангуань Тин!

Янь Цзин, с луком за спиной и тяжелым плащом в руках, шел вперед. У него была лошадь, но недавно он упал, выпустил поводья, и животное убежало.

Снег валил без остановки, и следы человека исчезали через полчаса, скрытые свежим покровом. Нет следов — нет направления. Янь Цзин понятия не имел, по какой дороге пошел Шангуань Тин.

Он сложил ладони лодочкой и подышал на них, пытаясь вернуть чувствительность онемевшим пальцам:

— Как холодно... кхе-кхе... кхе...

Надо спешить. Как можно выжить в такой мороз?

Янь Цзин плотнее закутался в плащ и, упрямо опустив голову, двинулся дальше.

Он не знал, сколько прошел. Чувствовал лишь, что руки и ноги перестали его слушаться, а легкие словно разрывали острые когти. Пронизывающая боль пронзала тело, заставляя его сохранять рассудок.

Когда силы покидали его, Янь Цзин опирался на дерево, переводил дух и снова поднимался.

В бамбуковой роще, среди тумана, Янь Цзин наткнулся на боевого коня.

Он словно обезумел, бросился вперед, выкрикивая:

— Шангуань Тин!

Шапка слетела с головы, но Янь Цзин не обращал на это внимания, позволяя снегу засыпать волосы.

— Шангуань Тин!

Под толстым слоем снега Шангуань Тин с трудом приоткрыл глаза и смутно увидел снеговика, несущегося к нему.

— Шангуань Тин!

Он слышал звук падающего снега.

И свое собственное бешено колотящееся сердце.

— Шангуань Тин, я здесь! — Янь Цзин разгребал снег и беспрестанно шептал: — Не бойся, я пришел. Я спасу тебя.

— Не бойся.

Слишком долго пролежав под снегом, Шангуань Тин начал терять сознание.

— Открой глаза, Шангуань Тин!

Когда он вошел в бамбуковую рощу, снова повалил снег.

Раздался треск ломающегося бамбука, Шангуань Тин попытался вскочить на коня, но опоздал.

Скопившийся на ветвях снег обрушился на него, пригвоздив к земле.

Снежные глыбы сыпались одна за другой, почти полностью погребая его под собой.

Янь Цзин, взвалив Шангуань Тина на спину, падал, поднимался, снова падал и снова вставал.

— Сяо Цзин, не плачь.

— Не плачь...

Этот шепот разрушил последние барьеры в душе Янь Цзина, и жгучие слезы покатались из его глаз:

— Вместе попали под снег сегодня, вместе встретим старость однажды.

Преодолев немыслимые трудности, Янь Цзин перед самой темнотой нашел пещеру.

Но они были здесь не первыми.

У пещеры нашелся хозяин.

Два тускло-зеленых огонька сверкнули в темноте, послышался скрежет когтей о камни, а затем — утробный рык зверя.

Янь Цзин уложил потерявшего сознание Шангуань Тина в сторону, забрал его меч и укрыл его своим плащом.

Зверь показался на свет — это был черный леопард, судя по размерам, еще молодой.

На его морде виднелся длинный глубокий шрам, от левого уха до самого глаза под правым, из которого сочилась алая кровь. Похоже, он только что подрался с другим хищником, проиграл и сбежал сюда.

Янь Цзин натянул тетиву, целясь леопарду прямо в лоб.

Зверь не делал резких движений, лишь опустил голову и исподлобья наблюдал за незванным гостем.

Пока леопард замер, Янь Цзин не решался атаковать. Даже раненый и молодой, зверь был опасен, и Янь Цзин не был уверен, что выйдет победителем.

Внезапно леопард сел, и Янь Цзин от неожиданности дернулся, едва не выпустив стрелу.

Длинный черный хвост леопарда мерно хлопал по земле. Зверь облизнулся, обнажив желтоватые клыки — верный знак того, что укус будет смертельным.

Рык и свист тетивы слились воедино. Леопард увернулся, и Янь Цзин воспользовался моментом, чтобы выхватить меч.

В ловкости человек всегда уступал дикому зверю, тем более больной Янь Цзин.

Он получил мощный удар когтями в грудь, выплюнул сгусток крови, но не отступил, вонзив меч в незащищенное брюхо зверя.

Однако сил не хватило, удар вышел слабым, и леопард, извернувшись, впился зубами в его левую руку.

Мир знал его как бездельника и гуляку, но забыл, что когда-то Янь Цзин в пять лет уже

стрелял из лука, а в шесть — мастерски владел мечом.

Здоровой рукой он ткнул пальцами в глаз леопарду, а левой выхватил стрелу из-за пояса и с силой вогнал ее зверю прямо в горло, пробив насквозь.

Предсмертный вой зверя распугал птиц, заставил деревья дрожать, а снег — сыпаться с веток.

Алая кровь брызнула ему в глаза, и по щекам Янь Цзина потекли кровавые слезы.

Леопард со стрелой в горле рухнул на землю, продолжая слабо рычать.

Янь Цзин добил его еще одним ударом. Зверь испустил дух.

Напряжение спало, и Янь Цзин обессиленно рухнул на колени. Он долго сидел неподвижно, пока не услышал тихий кашель.

Он пошатываясь подошел к Шангуань Тину, проверил дыхание — жив, потрогал лоб — горячий.

Битва с леопардом отняла у него последние силы. Он кое-как, волоком, перетащил Шангуань Тина вглубь пещеры:

— Шангуань Тин, ты должен быть благодарен своему сносному лицу. Другого я бы не стал так жалеть.

Снежные ветки были сырыми, Янь Цзин полчаса провозился, пытаясь развести огонь.

Дым заполнил пещеру, вызывая у него приступы кашля. Он поспешно накинул плащ на Шангуань Тина, чтобы тот не надышался гарью.

Делать было нечего, пришлось снять нижнюю рубаху.

Вскоре вспыхнуло пламя, и Янь Цзин принялся бережно подкладывать хворост, боясь, что драгоценное тепло погаснет.

Он завернул снег в подол рубахи, растопил его у огня и начал смывать кровь с лица.

Приведя себя в порядок, Янь Цзин нарезал мясо леопарда и насадил на палки, чтобы поджарить.

Как и следовало ожидать, случилась неприятность. Первая порция мяса превратилась в уголь.

Вторую он жарил с особой осторожностью, но она осталась сырой внутри, а когда он решил дожарить — снова подгорела.

Янь Цзин швырнул мясо вместе с палками в огонь:

— Никчемное мясо! Никакого толку!

— Сяо... Сяо Цзин... это ты?

Шангуань Тин смотрел на спину Янь Цзина, его сознание путалось, воспоминания смешивались с реальностью. Он не понимал, сон это или видение.

— Нет.

Янь Цзин не обернулся, продолжая заниматься костром.

Получив ответ, Шангуань Тин снова провалился в забытие.

— М-м...

Янь Цзин прижал ладонь ко рту, кровь просачивалась сквозь пальцы, стекая по руке, словно корни, впивающиеся в землю.

Шангуань Тин, с закрытыми глазами и плотно сжатыми губами, лишился своего обычного холодного отчуждения, став даже немного милым.

Янь Цзин присел перед ним на корточки и окровавленным пальцем очертил в воздухе его черты:

— Почему ты решил рискнуть ради меня?

— Ты что-то узнал?

— Или это из-за того, каким я был раньше?

Спросив это, Янь Цзин усмехнулся:

— Вряд ли это похоже на сухую древесину, что вновь пустила ростки.

В шаге от Шангуань Тина Янь Цзин свернулся калачиком и крепко уснул.

Когда Шангуань Тин проснулся, он обнаружил, что на нем два плаща: один надет, другим он укрыт.

Он узнал плащ, которым был укрыт — это вещь Янь Цзина. В ту ночь, когда тот пришел к нему в шатер, он был в нем. И когда Янь Цзин провожал его у ворот лагеря, он был в том же самом.

Одежда, пропитанная холодом снега, теперь согрелась у костра.

Шангуань Тин, укрывая Янь Цзина, почувствовал запах железа. Он осторожно разжал его правую руку, сжимавшую левую, и увидел глубокий след от зубов, залитый кровью. А на предплечье виднелись еще более страшные раны от когтей.

Единственное чистое место на теле Янь Цзина было лицо, но оно сейчас было бледным, как полотно.

Видимо, от боли брови Янь Цзина постоянно подрагивали.

Шангуань Тин коснулся его лба, словно пытаясь стереть тревогу.

Вокруг костра были воткнуты палки, на которых висели обугленные куски мяса.

Шангуань Тин снял один, не раздумывая, откусил — горько.

Но уголки его губ слегка приподнялись.

Казалось, он сам не заметил, как странно это выглядит.

Янь Цзин, едва проснувшись, смотрел на Шангуань Тина у огня, ошарашенный и сонный.

— На. — Шангуань Тин сунул ему в руку что-то. — Держи крепче.

— О. — Янь Цзин посмотрел на ладонь — каштаны. — Откуда?

— Одолжил.

Шангуань Тин палкой ворошил каштаны в углях и невозмутимо добавил:

— У лесных мышей одолжил.

Лесные мыши — зверьки с пушистыми хвостами, питающиеся дикими плодами. Каждую осень они делают запасы на зиму, и каштаны — их любимое лакомство.

Судя по количеству, Шангуань Тин в темноте разорил не меньше пяти-шести мышиных нор.

Янь Цзин жевал каштаны и подшутил:

— Они согласились? Наверное, не успел ты открыть рот, как они уже разбежались от страха.

— Все лучше, чем есть те куски угля, что ты жарил.

Шангуань Тин осмотрел раны Янь Цзина и спросил:

— Где ты взял это мясо?

Янь Цзин потянул плащ, сползший на бедра, и прикрыл грудь, делая вид, что рассержен:

— Куда смотришь? Неприлично глазеть, ты хоть понимаешь?

— Отвечай.

— Ладно-ладно. Одна дикая собака шла, не смотрела под ноги, врезалась в дерево и сдохла. Вот и всё. — Янь Цзин поднял руку, клянясь: — Клянусь, я не вру.

Кто поверит — тот поверит, но он точно не верит.

Шангуань Тин подобрал меч и вложил в ножны:

— Я не слепой. Прятать уши, чтобы украсть колокольчик, со мной не пройдет.

Даже если клинок вытерли, запах в пещере никуда не делся, и Шангуань Тин сразу понял, что это не собака.

— Видишь — не говори. Сорвешь бумагу с окна — никому не спрятаться, к чему это?

— Только тот, у кого совесть нечиста, пытается что-то скрыть.

Янь Цзин приподнял бровь и откинулся назад:

— Я спать хочу.

Если продолжить, то с него скоро и штаны снимут.

Умный не пойдет на рожон, лучше вовремя промолчать.

Да и какой толк побеждать в споре?

<http://bllate.org/book/21786/2253239>